

Культура. — 1993. — 19 июня. — С. 6.
Георгий Кузнецов:

НИЧЕГО ЗРЯ НЕ ПРОЖИТО

«...ведущий и его компания пытаются вытравить в нас все лучшие человеческие качества, которые воспитывали ленты прошлых лет. Перестаньте вешать нам лапшу на уши! Ни к чему эти посиделки до и после очередного фильма, когда нам «открывают глаза», вдалбливая, что все былое — сказки...» (Б. Садеков. Москва).

«...Ваша передача очень и очень нужна. Она раскрывает нам глаза на нашу прежнюю жизнь. Тут даже не разбор фильмов, а анализ наших личных качеств и собственной позиции...» (В. Шахматов. Тольятти).

И вот так уже второй год бороздит волны останкинского эфира мятежный фрегат «Киноправда!». Попадает то под обстрел, то под приветствия наблюдателей с противоположных берегов. Куда он держит путь? И зачем ему это нужно? На хорошем судне капитан конечную цель видеть обязан. Ему и слово. Ваш собеседник — ведущий «Киноправды!» Георгий Кузнецов.

— Последнее время у ведущего «Киноправды!» сменилось настроение. Капитан устал!

— Это не усталость. Скорее, ощущение того, что, может быть, мы действительно усугубляем раскол в обществе и прав был Брагин, когда снял накануне Дня Победы «Сталинградскую битву», чтобы не обижать ветеранов. Может, это действительно сильно задевает, и нас закрывать нужно. Много писем ругательных...

— А каких больше?

— Злых. Некоторые зрители это чувствуют, подбадривать начинают. Прсят не сдаваться. Пока держусь. Если из эфира не попросят — я в нем останусь.

— Да их гигантское количество! Причем я считаю, что нужно и документальные фильмы вводить в эту рубрику. Вот, например, мало кто знает, что последний фильм Эсфири Шуб — о музее подарков Сталину. Со всего света «друзья» организовали поток подарков к 70-летию вождя, и все это оплатили из партийной казны. Та выставка находилась в здании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на Волхонке. Древнюю Грецию холстами завесили и в углы задушили. А зал подарками заставили. Шуб смонтировала из всего этого талантливый фильм. Почему бы его сейчас не показать? Но, оказывается, в «Останкино» для документального кино другой отдел...

— Можете ли вы сказать, что «Киноправда!» — ваша программа и вы несете за нее полную ответственность?

— У меня прекрасная позиция: я — человек официально безответственный. Меня с работы снять нельзя, я в штате не состою. Разве что из эфира выгнать. И потом: если я не могу убедить коллег показать фильм «Если завтра война...», значит, это не в полной мере моя программа.

— Так для кого же она все-таки? Для тех, кому свойственно сомнение — они, наверное, уже все поняли. Для кого «Сталин в сердце» — их бесполезно переубеждать...

— А вы почитайте мешки писем и поймете, что есть огромные массы людей, у которых именно сейчас переворачивается сознание, которые не читали «Архипелаг Гулаг», а посмотрели фильм Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Есть люди, которые услышали из программы, что советский тоталитаризм и не-

мецкий фашизм очень между собой похожи. Их перевернула одна фраза писателя Кондратьева, что мы воевали тогда потому, что их фашизм был хуже нашего.

— Вас не пугает, что у кого-то из ваших зрителей после программы повышается давление?

— Да, есть такие люди. Я всячески стараюсь смягчить ощущение, которое уже присутствует в душах людей и без нашей передачи. Я — против беспощадности молодых, но и не за чувство пожилых, что жизнь прожита зря. Ничего зря не прожито, что было — то было. Когда сегодня мы видим эти фильмы — мы анализируем самих себя, потому что они — слагаемые нашей души. И когда я слышу в наш адрес обвинение в покушении на святости — это значит, что мы достигаем глубин души. По сути, «Киноправда?» — не кинопередача, а острейшая политическая программа.

— Есть ли фильмы, которые вы бы не решились подвергнуть экспертизе на правдивость?

— Есть. «Чапаев», например, или «Зоя Космодемьянская». Потому что нельзя русскому народу внушать комплекс неполноценности. Не буду я рабоблачать ни Чапаева, ни Невского, ни Космодемьянскую. Потому что на этих личностях строится самосознание нашего народа как великого. А если мы покажем малограмотность Чапаева, которая была Сталину симпатична, или бесчеловечность его приказа, который выполняла Зоя, — уничтожить всякое жилье в прифронтовой зоне, — и она жгла избы, в которых жили наши люди? Но что тогда вообще останется? Об этом с экрана я говорить не буду.

— А это не конформизм?

— Может быть. А может, это просто понимание ситуации, того, с кем и чем имеешь дело. У нас еще перед началом передачи стенографистки начинают матом ругать за предстоящее охаивание. Уже заранее знают, ведь любое критическое обсуждение как осуждение воспринимается. Знаете, я рискнул бы проанализировать «Молодую гвардию», если бы киноредакция дала мне ее показать. Потому что есть Мордюкова, Тихонов, Бондарчук, которые могли бы много интересного сказать. А один на один с защитниками «Зои» я воевать не стану. Я учитываю состояние умов. Возможно, это соглашательство. Но ведь соглашатели бьют с обеих сторон. Вот и меня одни обвиняют в тоске по прошлым временам, а другие — в оплевывании прошлого и продажности демократам. А раз письма приходят с «разных фронтов», значит, пока я еще выдерживаю золотую середину.

Беседу вела
Татьяна ФУРМАН.

ХУЛОЖЕСТВЕН